

Сентябрь 2021 года я отлежал в стационаре, где в четырёхместной палате поневоле стал сначала свидетелем, а к октябрю и участником драматических рассуждений на тему «Осень жизни». Сосед Николай, на первый взгляд — крепкий красавец-мужчина, в разговорах с доктором и с пациентами часто говорил о созданной им самим драме личной жизни. Основным собеседником выбирал кого-то из соседей по палате, так у него получалось. Первым был такой же, как Николай, заядлый курильщик. Накинув куртки, они по несколько раз на день выходили на свежий воздух. Их тема была: «Бросить курить невозможно, хоть очень надо». Николаю грозила ампутация ноги до колена из-за наступающей гангрены, что стало следствием неумеренного многолетнего курения. Николай без остановки мог пройти по прямой не более пятидесяти метров или подняться на один этаж по лестнице, после чего требовался отдых из-за болей в икроножных мышцах. Таких называли «витринниками», поскольку, останавливаясь на улице, они делали вид, что рассматривают витрины. Рядом с ним собеседник чувствовал себя королём, так как ампутация ему пока не грозила, а к кашлю и хрипам в лёгких он давно привык.

Николая посещала только одна женщина лет тридцати, его старшая дочь. Она приносила ему соки и другие обычные в таких случаях продукты. Но главное, что ждал Николай, это книги категории «лёгкое чтение». Обычно он

прочитывал по книге в день. С одной стороны, это немного отвлекало его от тягот жизни, но, с другой стороны, мелодраматические сюжеты бередили душу, так как два года назад, в пятидесятилетнем с небольшим возрасте, у него вспыхнула любовь к женщине на двадцать лет моложе его. Он решительно, обрубив перспективы возврата, оставил семью с женой и тремя детьми. А когда страсть и любовь ожидаемо лопнули, в прежней семье с ним не захотели разговаривать. На птичьих правах он проживал в коммуналке, в комнате, принадлежавшей старшей дочери. Она переехала в семью матери временно, о чём неоднократно как бы ненароком напоминала своему папуле.

Когда курильщика выписали, Николай переключился на другого соседа, хоть очень хотел «раскрутить» меня, однако я смог уклониться. Фоновой темой у Николая с соседом была: «Какой это ужас — самому готовить еду на основе тушёнки и лапши „Доширак“, учиться стирать и штопать». Но постоянным шекспировским вопросом к соседу был: «Посоветуй, как быть? А то пока получается только „не быть“». Очередной сюжет из прочитанных книг плодил у него изумительные нереальные варианты. Сосед с трудом терпел Николая и только в день выписки, постучав сначала по своей голове, а затем по тумбочке, пояснил, что прежняя семья держит Николая на коротком поводке, чтобы тот не решился разделить жилплощадь, и подчеркнул, что это делать никак нельзя, иначе наступит незнакомая жизнь, имя которой «пропасть». Заключительной фразой была: «Ты вообще герой-любовник-калека. Возьми карандаш и сам вычеркни из этой триады лишнее. Оглянись назад — и увидишь, что на каждые полгода получишь разный набор формулировок. Хотя самого главного в этом перечне нет». Также посоветовал для разнообразия применять разную постановку ударения в слове «пропасть». И, не расшифровав, вышел, хлопнув дверью.

К нам в палату других пациентов почему-то не подсадили, и теперь жертвой неотступного внимания Николая неизбежно стал я. Однажды я неосмотрительно оставил на

тумбочке альманах «Новый Енисейский литератор» с закладкой на своём рассказе. С тех пор ко мне по имени не обращались, а стали называть звучным словом «писатель». Поначалу я протестовал, но потом смирился. «Вот скажи мне, писатель, — так обычно начинал разговор Николай, — скажи, почему осень жизни в литературе и в песнях называют золотой или вроде того? Где вы, писатели, находите такие слова?» Настойчивость и горечь слов Николая возрастали, если дочь вкладывала в передачу четвертушку водки, которую он принимал через час после ужина, когда вечерние уколы были поставлены, а талоны на утренние анализы розданы. До полуночи мы толкли словесную жвачку. Я советовал ему бросить курить, да и с четвертушками лучше расстаться: «Ты ещё можешь вернуть здоровье и тогда станешь привлекательным для семьи, — говорил я ему. — Золотой цвет и соответствующее содержание возраста создаются качеством жизни. Попробуй!»

И вдруг — о счастье (хоть и относительное)! — к нам в палату положили весьма религиозного человека. Он начал утро с молитв и размашисто крестился. В беседах поражал Николая точно, как снайпер, увлекая в глубины веры. И хотя его рассуждения и рекомендации в основном носили общий характер, Николай затихал, стал лучше спать и спрашивал, можно ли продолжить знакомство после больницы, что, естественно, было ему обещано.

И тут меня, слава Богу, выписали. Редкий случай всеобщего хэппи-энда для столь драматической истории.